

Этнографический альбом художника П. М. Кошарова (1857 г.)

С. М. Абрамзон

1. История поступления альбома в Академию Наук

В коллекциях Отдела Передней и Средней Азии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР под № 116 хранится «Этнографический альбом Дико-каменных киргизов племени Богинцев с картою, рисованный с натуры художником Кошаровым во время ученой экспедиции члена имп. Рус. геогр. общества П. П. Семенова в 1857-м году». Альбом поступил в Музей в 1880 г., но был зарегистрирован (регистровала Е. Л. Петри) только в 1902 г. Вместе с этим, основным, альбомом в Музее хранятся две больших тетради с зарисовками, поступившие, вероятно, вместе с альбомом; они значатся в инвентарной книге Музея в качестве предметов «из старых поступлений» и зарегистрированы в 1917 г. под №№ 2643/1 и 2643/2 (регистровал С. М. Дудин). 1-я тетрадь носит название: «Этнографические рисунки одежды, утварь, оружие и другие вещи Дико-каменных и Большой Орды киргизов. Рис. с нат. худож. Кошаровым»; вторая — «Типы Дико-каменных и Большой Орды киргизов, ташкенеца, кашгарца и китайских калмыков. Рис. с натуры худож. Кошаровым». Обе указанные тетради содержат черновые зарисовки, хотя в большинстве случаев и весьма тщательно выполненные, на основании которых был оформлен большой альбом.

Как удалось установить по документам Архива Академии Наук СССР, история поступления этого альбома в Академию Наук СССР начинается с письма, адресованного в Совет Академии Наук П. М. Кошаровым.

В своем письме, датированном 26 декабря 1879 г., приложенном к альбому рисунков томской флоры, П. М. Кошаров пишет: «При этом имею честь присовокупить: если Совету Академии встретится какая-либо надобность в рисунках, как-то — из видов, типов, одежды, утвари, жилищ и т. п. этнографических рисунков Томской губернии, я с удовольствием готов исполнить. Также имеются альбомы: Киргизской степи, Илийского края и Тянь-Шаня с его ледниками». Письмо заканчивается следующей подписью: «Учитель рисования томского Алексеевского реального училища надворный советник и художник императорской Академии художеств Павел Михайлович Кошаров».

В ответ на это письмо неприменный секретарь Академии Наук акад. К. Веселовский, подтвердив получение альбома, сообщил П. М. Коша-

рову: «... в виду предложения Вашего относительно высылки в Академию этнографических рисунков, Конференция Академии поручила мне покорнейше просить Вас доставить ей все, какие у Вас найдутся фотографические снимки с типов местных инородцев, а также этнографические рисунки и альбомы с означением на каждом из них цены, за которую Вы согласны уступить оные, с тем, чтобы Академия выбрала бы из этих фотографий и рисунков те, приобретение которых окажется полезным для ее этнографического и антропологического Музея, а остальные возвратила бы Вам, причем расходы по пересылке этих предметов в Петербург и обратно были бы приняты на счет Академии» (письмо от 28 февраля 1880 г. за № 185).

9 сентября 1880 г. П. М. Кошаров выслал из Томска в адрес Академии Наук упомянутый выше альбом,¹ к которому было приложено письмо, текст которого обнаружить не удалось. Этот альбом вместе с письмом был доложен Физико-математическому отделению 30 сентября 1880 г. в присутствии президента Академии Ф. П. Литке, вице-президента акад. В. Я. Буняковского и неперменного секретаря акад. К. Веселовского. § 210 протокола этого заседания гласит: «Читано письмо художника г. Кошарова из Томска, от 9 сентября, с приложением составленного им Этнографического альбома Дико-каменных киргизов племени Богинцев. Положено передать письмо, вместе с альбомом, для рассмотрения академику Л. И. Шренку».

Очевидно, заключение акад. Л. И. Шренка было положительным, так как после этого альбом оказался уже в Музее антропологии и этнографии. На обороте папки альбома имеется собственноручная надпись акад. К. Веселовского о рассмотрении альбома в указанном заседании.

II. П. М. Кошаров и научное значение его труда

Художник П. М. Кошаров был участником знаменитого путешествия крупнейшего русского географа П. П. Семенова-Тян-Шанского, совершенного им в 1857 г. на Тянь-Шань. В своих мемуарах П. П. Семенов-Тян-Шанский пишет: «... до переезда в Омск я предварительно списался с пребывавшим в Томске, в качестве учителя рисования в томской гимназии, художником Кошаровым, предложив ему сопутствовать во время предполагаемого путешествия в Тянь-Шань. Кошаров согласился, и мы условились съехаться с ним в конце апреля 1857 г. в Семипалатинске».² Встреча путешественника с художником состоялась 26 апреля, и дальше уже П. М. Кошаров почти неотлучно сопровождал П. П. Семенова-Тян-Шанского на протяжении всего его путешествия.

П. М. Кошаров зарисовывал горные пейзажи, казахские кладбища, тибетские надписи, ледники, предметы быта, типы местного населения, образцы горных пород и т. п. Работу П. М. Кошарова П. П. Семенов-Тян-Шанский ценил очень высоко и придавал ей большое значение. В своем письме Географическому обществу он писал: «Неоценимую услугу моей экспедиции оказал художник П. М. Кошаров... многое, что не передается словами, а только рисунками, было бы для меня утрачено без содействия Кошарова».³ П. П. Семенов-Тян-Шанский очень

¹ В Отделе Сибири Музея антропологии и этнографии хранится еще один альбом П. М. Кошарова (колл. № 233а), содержащий зарисовки типов русского населения Томской губернии.

² П. П. Семенов-Тян-Шанский. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 годах. М., 1946, стр. 128.

³ Цит. по вводной статье Н. Г. Фрадкина к «Путешествию...» П. П. Семенова-Тян-Шанского (М., 1946, стр. 18).

тепло отзывается о П. М. Кошарове как человеке, называя его своим «милым спутником». Описывая заключительный этап своего путешествия, он посвящает П. М. Кошарову несколько сердечных строк: «Дорогой мой спутник, сопровождавший меня во все мое Тяньшанское и Заилийское путешествия 1857 года и перенесший с замечательным самоотвержением все труды и опасности путешествия, художник Кошаров, спешивший возвратиться в Томск к началу преподавания в гимназии, расстался со мной и поехал в моем тарантасе по почтовому тракту до Семипалатинска, с тем, чтоб оттуда доехать до Томска на перекладных. Провожая его 15 сентября, я переехал в этот день из Копала в Арасан».¹

Рисунки, из которых составлен альбом П. М. Кошарова, сделанные им около ста лет тому назад, представляют большую научную ценность в качестве документального источника для познания в значительной мере исчезнувших форм киргизского (а отчасти и казахского) материального производства. Тщательность и точность, с какими автор альбома стремился воспроизвести различные стороны жизни киргизского и казахского населения, усиливаются благодаря тому, что свои рисунки он сопровождает хотя и краткими, но чрезвычайно важными пояснениями, которые и сами по себе имеют серьезное познавательное значение.

Альбом П. М. Кошарова представляет собою наглядное свидетельство того глубокого интереса к национальной самобытной культуре угнетенных народов царской России, какой проявляли передовые деятели русской культуры середины XIX в. Рисунки Кошарова лишены того любования экзотикой, которое было свойственно некоторым художникам, посещавшим окраины царской России. В них нет также и намека на пренебрежительное отношение к культуре «инородцев», подчеркивания ее отсталости, «дикости» и т. п., что нередко можно было встретить в описаниях и наблюдениях реакционно настроенных представителей помещичьей России. С одинаковым вниманием и интересом художник фиксирует как выигрышные в художественном отношении предметы, так и ничем не выделяющиеся вещи домашнего обихода, проявляя уважение ко всему, что является результатом деятельности трудовых масс.

Подлинно научный подход и строгость в отборе материала, отличающие альбом П. М. Кошарова, были, несомненно, восприняты художником от его выдающегося спутника, П. П. Семенова-Тян-Шанского. И так же как русская наука обязана П. П. Семенову-Тян-Шанскому первым географическим описанием неведомого до тех пор Тянь-Шаня, так она должна быть обязана и П. М. Кошарову первым обстоятельным этнографическим альбомом, запечатлевшим доступными тогда средствами памятники киргизской культуры и быта. Имя П. М. Кошарова, первого русского художника, посетившего Тянь-Шань и создавшего своими рисунками незаурядный этнографический труд, стоит в одном ряду с именами крупнейших ученых того времени, прославивших русскую науку своими исследованиями и открытиями в области истории, этнографии, языкознания Средней Азии — с именами Чокана Валиханова, В. В. Радлова, В. В. Вельяминова-Зернова и др.

III. Киргизы в середине XIX в.

Период, к которому относится альбом П. М. Кошарова, имел в истории киргизского народа огромное значение. Разрозненные и ослабляемые взаимными раздорами феодалов-манапов, киргизские племена испыты-

¹ П. П. Семенов-Тян-Шанский, ук. соч., стр. 234.

вали на себе деспотический гнет кокандских ханов, а отчасти и маньчжуро-китайских феодалов. В поисках выхода из создавшейся обстановки отдельные племена все чаще обращались к России с просьбой о принятии их под свое покровительство. Особенно настойчиво просило об этом расположенное ближе других к Сибирской линии племя Бугу. В 1855 г. бугинцы во главе с манапом Бороомбаем добровольно приняли русское подданство. В следующем году Иссык-Куль посетил русский отряд во главе с Хоментовским (с ним находился Чокан Валиханов), а еще через год на побережье Иссык-Куля прибыл мирный караван экспедиции П. П. Семенова.

Другие киргизские племена также стояли в этот решающий момент перед выбором: или остаться изолированными друг от друга и поработенными отсталыми феодальными государствами (с перспективой стать в конечном итоге колониальной добычей Англии), или войти в состав более развитого в политическом, экономическом и культурном отношении государства, каким являлась Российская империя. Подавляющее большинство киргизских племен предпочло второй выход.¹

С киргизским обществом рассматриваемого периода знакомят нас, кроме описаний самого П. П. Семенова-Тянь-Шанского, свидетельства ученых, путешественников, офицеров и чиновников, относящиеся к 50—60 годам XIX в. При этом весьма значительное место в них занимают сведения именно о тех киргизских племенах (Бугу и Сарыбагыш), которые были посещены П. П. Семеновым. Наиболее обстоятельную характеристику прииссыккульских киргизов мы находим в трудах первого казахского ученого-просветителя Чокана Валиханова,² ученых и путешественников В. В. Радлова,³ А. Голубева,⁴ М. И. Венюкова,⁵ Н. Северцова;⁶ некоторые данные содержатся в «Сведениях о дико-каменных киргизах».⁷ К перечисленным источникам тесно примыкает ряд более поздних свидетельств — начала 70-х годов, — которые содержат много ценных дополнений, расширяющих представление об экономике, культуре и быте киргизов (в частности прииссыккульских) середины и третьей четверти XIX в. К ним относятся статьи А. Хорошхина,⁸ А. Чайковского,⁹ Г. Бардашева,¹⁰ Г. Загряжского¹¹ и др.

¹ В некоторых своих работах, в особенности в «Очерке культуры киргизского народа» (Фрунзе, 1946), автор стоял на ошибочных позициях, рассматривая включение Киргизии в состав России как результат завоевания царизмом киргизских земель. В действительности произошло не завоевание, а добровольное присоединение киргизских племен к России, имевшее прогрессивное значение и сыгравшее огромную роль в дальнейших исторических судьбах киргизского народа.

² Ч. В а л и х а н о в, Сочинения, Зап. Русск. географ. общ. по Отд. этнографии, 1904, XXIX.

³ W. R a d l o f f. Aus Sibirien. Leipzig, 1893, ч. 1.

⁴ А. Г о л у б е в. Отрывок из путешествия в Среднюю Азию. Заилийский край. Зап. Русск. географ. общ., 1861, III.

⁵ М. И. В е н ю к о в. Очерки Заилийского края и Причуйской страны. Зап. Русск. географ. общ., 1861, IV.

⁶ Н. С е в е р ц о в. Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня, совершенные по поручению Русск. географ. общ., СПб., 1873.

⁷ Сведения о дико-каменных киргизах, доставленные от генерал-губернатора Западной Сибири. Зап. Русск. географ. общ., 1851, V.

⁸ А. Х о р о ш х и н. Байтук-батур (рассказ из кара-киргизской жизни). Газ. «Туркест. ведомости», 1872, № 43.

⁹ А. Ч а й к о в с к и й. Иссык-кульский уезд в 1869—1871 гг. Газ. «Туркест. ведомости», 1872, №№ 42, 44—46.

¹⁰ Г. Б а р д а ш е в. Заметки о дико-каменных киргизах. Матер. для статистики Туркест. края, 1874, т. III, стр. 384—390.

¹¹ Г. З а г р я ж с к и й. Киргизские очерки. Аш, или тризна по умершим.

Общественные отношения у киргизов того времени носили отчетливо выраженный патриархально-феодальный характер. Общество было разделено на два основных класса: феодалов — манапов и баев — и зависимой от них, эксплуатируемой «букары». Кроме того, у феодальной знати и богатых скотоводов имелись рабы. Феодальные отношения, скрытые под оболочкой патриархально-родового быта, основывались на фактическом владении феодально-родовой знатью общинными пастбищами. В ее руках находилась и основная масса скота. Однако с этими классовыми отношениями уживались остатки патриархально-родовых отношений, находившие свое проявление в некоторых сторонах общественной жизни и особенно в общественном сознании.

Большое место в жизни киргизских племен в ту пору занимали феодально-племенные войны, инициаторами которых выступали феодальные группировки, боровшиеся между собой за власть и политическое влияние, за захват лучших пастбищ. В этих войнах феодальная знать видела также форму разрядки время от времени обострявшихся классовых противоречий внутри того или иного племени, неизбежных в условиях применения различных тяжелых форм эксплуатации непосредственных производителей, таких, как отработочная рента и рента продуктами.

Очевидцами такой войны между племенами Бугу и Сарыбагыш и оказались участники экспедиции Русского географического общества П. П. Семенов-Тянь-Шанский и П. М. Кошаров, что и нашло свое отражение как в мемуарах ученого, так и в рисунках художника.¹

Для середины XIX в. можно считать сохранившими силу те характеристики киргизского хозяйства, которые мы находим в китайских источниках, относящихся к последней четверти XVIII в. В «Описании Западного края» (Си юйвэнь цзянлу), относящемся к 1777 г., мы читаем о киргизах, что они «живут в войлочных кибитках, занимаются скотоводством, питаются мясом, вино делают из коровьего и кобыльего молока». Другой источник — «Высочайше утвержденное географическое описание Западного края» (Цинь дан Хуан юй си юй тучжи) (1782 г.) — вносит существенное дополнение: в нем сообщается, что киргизы «весьма (любят) пасти стада, пахать и разводить растения».²

Хотя основу киргизского хозяйства в середине XIX в. и составляло скотоводство кочевого или полукочевого типа, все же удельный вес земледелия был уже достаточно велик, о чем можно судить по описаниям Ч. Валиханова³ и В. В. Радлова. Последний пишет по этому поводу: «Земледелие у кара-киргизов еще более распространено, чем у казахов. Они обрабатывают землю тщательно и снимают в среднем почти сам-десять, сам-пятнадцать пшеницы. Поля должны быть искусственно орошаемы; оросительные работы производятся кара-киргизами еще более искусно, чем казахами. Поля Бугу расположены главным образом на берегах озера (Иссык-Куль, — С. А.) — Терскей и Күнгай; ⁴ поля Сары-

Газ. «Туркест. ведомости», 1873, № 1. — Г. Загряжский. Очерки Токмакского уезда. Там же, 1873, №№ 9, 10. — Г. Загряжский. Быт кочевого населения долины Чу и Сыр-Дарьи. Там же, 1874, №№ 25, 27—32. — Г. Загряжский. Кара-киргизы (этнографический очерк). Там же, 1874, №№ 41, 42, 44, 45.

¹ Подробно об этой войне см.: Б. Джамгерчинов. Киргизы в эпоху Ормон-хана. Тр. Инст. языка, лит. и ист. Киргизск. фил. АН СССР, в. 1, 1944, Фрунзе, 1945, стр. 111—130.

² Цит. по статье А. Н. Бернштама «Источники по истории киргизов XVIII в.» (журн. «Вопросы истории», № 11—12, 1946, стр. 131).

³ Ч. Валиханов, ук. соч., стр. 74, 76, 383, 388 и др.

⁴ Терскей, или точнее *тескей*, — теневая сторона, *күнгай* — солнечная сторона, ложный склон.

багыш напротив, между реками Күрмет и Киссингир. Кара-киргизы сеют пшеницу, ячмень и много видов проса. Как корм для лошадей употребляют ячмень и тонкий сорт проса».¹ Вполне закономерно, поэтому, что наряду с значительным количеством зарисовок предметов, связанных с кочевым скотоводством, с молочным хозяйством, в альбоме П. М. Кошарова мы находим рисунок пахотного орудия, а в тетради № 1 и «бороны» из прутьев.

Важное место в хозяйстве киргизов (и казахов), носившем, несмотря на существовавшие торговые связи, в своей основе все же натуральный характер, занимали различные домашние промыслы, в первую очередь связанные с обработкой продуктов скотоводства. На них указывают замечания П. П. Семенова-Тян-Шанского, сделанные им при характеристике богатой казахской юрты (о белых войлочных коврах из верблюжьей шерсти, о войлочных коврах, сшитых мозаично из цветных войлоков, и т. п.).² Некоторые сведения мы находим у того же В. В. Радлова: «... ручные работы те же, что и у казахов, только женщины умеют изготавливать превосходные белые войлочные сапоги из козьего пуха и также войлочную верхнюю одежду с рукавами, которую они называют „кибенек“.³ Этого производства казахи не знают».⁴

Что касается материальной культуры киргизов и казахов, то она, при наличии характерных черт своеобразия и самобытности у каждого из этих народов, имела в то же время много общего. Эта особенная близость казахской и киргизской материальной культуры коренится как в общности отдельных этапов этногенеза у некоторых групп этих народов, тесном соприкосновении их на протяжении ряда столетий, так и, в особенности, в однотипности форм производства и экономического базиса. Наиболее крупный отпечаток на материальную культуру казахов и киргизов наложили «скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт»,⁵ связанные у них с кочевым образом жизни. Вопрос о влиянии последнего на материальную культуру казахов был всесторонне и глубоко исследован Л. П. Потаповым в его статье «Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни».⁶ Альбом П. М. Кошарова подтверждает правильность этого положения и по отношению к киргизам.

Рассматривая материальную культуру, запечатленную в рисунках П. М. Кошарова, нетрудно видеть, что в них все же отражена преимущественно специфика, присущая именно киргизам. Это выявляется как в формах и типах различных предметов, так и в относящейся к ним терминологии. Вместе с тем, в альбом включены и рисунки предметов, характерных именно для казахского быта, как, например, двухструнная домбра (табл. VIII, 54), разливательные ложки для кумыса — *ожау* (табл. X, 68 и 69). В некоторых случаях для обозначения предметов, одинаково известных и у киргизов и у казахов, применяются казахские термины (например *казак ту-найза* — пика).

Следует подчеркнуть некоторые особенности представленных в альбоме элементов материальной культуры. Бросается в глаза форма юрты (табл. VI), несколько необычная для казахов и северных киргизов. На рисунке изображена юрта со сравнительно плоским куполом, в то

¹ W. Radloff, ук. соч., стр. 528.

² П. П. Семенов-Тян-Шанский, ук. соч., стр. 151, 152.

³ См.: Альбом, табл. IV, 15. — В современном киргизском языке *кементай*.

⁴ W. Radloff, ук. соч., стр. 528.

⁵ И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 25.

⁶ Сб. МАЭ, т. XII, 1949, стр. 43—70.

время как в более позднее время и для Прииссыккуля и для Тянь-Шаня более характерна юрта с конусообразным куполом. Невольно возникает предположение о случайности формы, отмеченной художником. Однако мы имеем свидетельство П. П. Семенова-Тянь-Шанского, подтверждающее распространение этой формы юрты у бугинцев. Он пишет: «... у подошвы предгорий на холмах, около озера и по плоскогорью разбросаны были многочисленные аулы их, состоящие из белых войлочных полусферических юрт с довольно плоским куполом».¹ Эта форма юрты, типичная для монгольских племен, была широко распространена среди южно-киргизских племен, в том числе и среди киргизов южного Синьцзяна. Это обстоятельство должно быть учтено при дальнейших изысканиях в области этногенеза киргизов.

Заметим попутно, что на рисунке юрты, помещенном в тетради № 1, видна пика, прислоненная к юрте. Названный рисунок является хорошей иллюстрацией к замечанию, сделанному по этому поводу В. В. Радловым: «Юрты (киргизов, — С. А.) по своему устройству также едва отличаются от таковых у казахов, в их юртах видно меньше ковров и вышитых лент, подле каждой юрты стоит пика, чего не наблюдается у казахов».² В связи с этим должно быть отмечено обстоятельство, на которое обратил внимание тот же исследователь (как и некоторые другие): своеобразный тип расселения у киргизов в эту эпоху. У В. В. Радлова мы читаем: «Род кочевья кара-киргизов отличается от такового у казахов. Кара-киргизы не живут аулами, а целым родом (племенем) в непрерывном ряде юрт по берегам рек, тянущемся иногда на 20 и более верст. Они поднимаются целым поездом кибиток в горы, где каждый род пользуется отдельным горным пастбищем. Этот род кочевья объясняется отчасти местными условиями, отчасти воинственным характером народа. При этой расстановке юрт у кара-киргизов возможна в короткое время подготовка целого войска к нападению и защите. В прежнее время этот род кочевья применялся также и казахами, как единственно возможный, в состоянии войны... Когда в 1864 г. я посетил Солту, чиновники рассказывали мне, что кара-киргизы (после присоединения к России, — С. А.) начали изменять расстановку юрт и делиться на аулы, совершенно как казахи».³

Дело, разумеется, не в «воинственном характере» киргизов, а в том, что период, который они переживали, был характерен племенной раздробленностью, стимулировавшейся как феодально-племенной знатью, так и кокандскими ханами и маньчжуро-китайскими феодалами, от которых в той или иной степени зависимости находились киргизские племена. Эта раздробленность сопровождалась уже упоминавшимися феодально-племенными войнами. Однако нельзя не видеть в этом «роде кочевья» и проявления сильных еще в то время патриархально-родовых традиций, значительной роли родоплеменной организации в жизни киргизов-кочевников.

Поскольку мы остановились на этой стороне общественно-политической жизни киргизов, следует обратить внимание на то, что в альбоме П. М. Кошарова имеются рисунки некоторых видов оружия, очевидно, довольно распространенных в тот период: пика, боевых топоришков, сабли, фитильного ружья. Как видно из рис. 14, помещенного в тетради № 2, вооружение воина могли составлять одновременно и пика

¹ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Первая поездка на Тянь-Шань или Небесный хребет до верховьев р. Яксарта или Сыр-Дарьи в 1857 г. Вестн. Русск. географ. общ., ч. 23, СПб., 1858, стр. 9.

² W. Radloff, ук. соч., стр. 527.

³ Там же.

(очень длинная), и фитильное ружье, и сабля. В своей небольшой статье «Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи»¹ Ч. Валиханов дает довольно точное описание оружия казахов, причем к нему он относит и нагайки и ножи, изображения которых также имеются в нашем альбоме (табл. VIII). Здесь же мы находим и рисунки снаряжения для огнестрельного оружия, о котором упоминает и Ч. Валиханов. «Между их оружием, — пишет А. Голубев, — таким же как и у киргиз-казахов, пашкой, пикой, луком, у многих встречаются турки (?): неуклюжие ружья с фитилями, из которых, впрочем, они метко стреляют».² Эту характеристику киргизского оружия дополняет Г. Бардашев: «Вооружение составляют: ай-балта (род топора), сабли, пики и ружья. Черные киргизы, сравнительно с другими ордами, имеют более оружия, в особенности огнестрельного, приобретаемого прежде в Коканде, но ружья их вообще длинны, тяжелы и с фитилями вместо замков. Холодное оружие киргизы частью покупают, а частью изготовляют сами».³ Как сообщает этот же автор, «железо для выделки оружия и для домашних надобностей, черные киргизы добывают в небольших размерах и весьма первобытными способами из черного, крупного песку, собираемого на берегах Иссык-Куля».⁴

Из приведенных данных следует, что и у киргизов имелись луки, о которых (для казахов) пишет Ч. Валиханов, но, вероятно, они встречались уже довольно редко, поскольку П. М. Кошаров не остановил на них своего внимания; наличие огнестрельного оружия у киргизов отмечается многими авторами, причем из сопоставления этих данных с указанием Ч. Валиханова о бытовании этого рода оружия у казахов («ружье. . . было редкостью в степи»), явствует, что у киргизов оно действительно играло большую роль. Это подтверждает и В. В. Радлов: «Их оружие было большей частью огнестрельное и главным образом кокандской работы. Кроме того, они употребляли также казахское (?) военное оружие: копья, дубинки (sojil) и бердыши (aibalta)».⁵

Значительный интерес представляют помещенные в альбом материалы о киргизской одежде. Прежде всего могут быть отмечены существенные изменения, происшедшие в одежде киргизов со времени поездки Кошарова: изменился покрой мужской рубахи (табл. II, 10), которая заметно укоротилась и у которой почти уже не встречается отложной воротник; совершенно утрачена своеобразная отделка шнурами с пуговицами верхней одежды (табл. III, 13); полностью исчезла вышивка на груди женских рубах (табл. IV, 19); крайней редкостью стали замшевые штаны (табл. IV, 16); давно вышли из употребления сапоги на высоком каблуке из красной юфти (табл. V, 24); претерпела изменения форма женского головного убора (он приобрел цилиндрическую форму), а отчасти и мужских войлочных шляп (смягчилась конусообразность формы тульи), и т. д.

Выше уже были упомянуты некоторые виды одежды, специфически киргизской (войлочные сапоги из козьего пуха, верхняя войлочная одежда с рукавами). В. В. Радлов называет и другие особенности киргизской одежды: «По одежде киргизы очень мало отличаются от казахов. Единственная разница, бросившаяся мне в глаза, это кафтаны, обшитые пестрыми шнурами, патроны и патронташи и белые войлочные шапки,

¹ Ч. Валиханов, ук. соч., стр. 37—40.

² А. Голубев, ук. соч., стр. 117.

³ Г. Бардашев, ук. соч., стр. 389.

⁴ Там же, стр. 388.

⁵ W. Radloff, ук. соч., стр. 534.

которые редко встречаются у казахов и благодаря которым племени присвоено наименование Ак-калпак (белая шапка)».¹ По поводу особого искусства киргизских женщин в изготовлении одежды из войлока интересные данные мы находим у М. Венюкова: «Главное рукоделье кара-киргизов и есть приготовление войлоков, отличающихся у них большой прочностью. Особенно известны этого рода изделиями Дико-каменные, кочующие по Таласу. Они валяют не только простые кошмы, т. е. четырехугольные войлоки, но и шапки, даже целые бурки. Кара-киргизские шапки известны и ценятся во всех ордах и форму имеют вроде не очень острого конуса с отогнутыми кверху полями».² К национальной киргизской одежде мы отнесли бы еще женскую юбку (*белдемчи*; см. табл. IV, 18), имеющую сквозной разрез и надеваемую поверх рубахи; вместе с расшитой на груди рубахой и своеобразным головным убором — тюрбаном — эта юбка придавала киргизской женщине неповторимый облик. В первой четверти XX в. такие юбки изготовлялись бедными киргизками из овечьих шкур (шерстью внутрь), а богатыми из бархата, с вышивкой и с оторочкой из меха куницы или выдры.

Слабая изученность киргизской одежды, как и одежды соседних народов, а также крайняя скудость исторических свидетельств и археологических памятников в этой части являются основными причинами того, что до сих пор киргизская одежда не исследовалась в плане ее исторического развития и не привлекалась в качестве одного из источников для решения проблем этногенеза киргизов и их историко-культурных связей. Между тем, публикуемые материалы свидетельствуют о том, что и одежда может быть широко использована для этих целей. Укажем хотя бы на отделку мужской и женской верхней одежды шнурами на груди, которая прямо указывает на тесные связи киргизов с населением Джунгарии и восточного Туркестана, на сходство киргизских головных уборов с своеобразными войлочными шляпами, распространенными далеко на восток, вплоть до провинции Цинхай Китайской Народной республики, и т. д.

Обращает на себя внимание рисунок киргизского седла (табл. VII, 42). Седло такого рода было распространено и среди казахов. До сих пор еще можно встретить в горной части Киргизии ленчики такой же формы. В 1946 г. этнографической экспедицией Киргизского филиала АН СССР и Института этнографии АН СССР для Киргизского музея национальной культуры был приобретен отделанный металлическими посеребренными украшениями ленчик этой формы, принадлежавший известному киргизскому музыканту и акыну Музооке. Нет сомнения, что воспроизведенный в альбоме Кошарова тип седла был в середине XIX в. широко представлен в быту киргизского населения Прииссыккулья.³ Это подтверждается, в частности, и тем, что на рисунке П. М. Кошарова в тетради № 2, где изображены всадники киргизы (рис. 14), мы видим тот же тип седла. Он является, повидимому, самым древним из имеющихся типов седел у киргизов и генетически восходит к тому типу, который был характерен для населения Алтая и енисейских киргизов во второй половине I тысячелетия н. э.⁴ Значительный интерес

¹ Там же, стр. 527.

² М. И. Венюков, ук. соч., стр. 110.

³ Седло этого типа и сейчас встречается в районах Иссыккульской области Киргизской ССР. Старики помнят и его название — *ак канжы ээр*.

⁴ С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. Матер. и исслед. по археологии СССР, в. 9, М., 1949, стр. 296, табл. LVIII.

представляют изображенные на этом же рисунке стремена. По своей форме они отличаются от современных киргизских металлических стремян и весьма близки к стременам из дерева и рога, еще недавно встречавшимся в киргизском быту. Указание П. М. Кошарова об отделке костью марала стремян и ленчика (см. «Оглавление» альбома) свидетельствует об использовании киргизскими мастерами кости как отделочного материала. В связи с этим отмечу, что упомянутой выше экспедицией в Джумгалском районе Тяньшанской области был приобретен деревянный футляр для фарфоровых чашек (*чыныган*), инкрустированный костью архара. 8 костяных пластинок покрыты резным орнаментом. Футляр датируется 2-й половиной XVIII в.

В заключение необходимо подчеркнуть, что уже в середине XIX в., как это подтверждается материалами альбома П. М. Кошарова, торговые связи киргизов с Россией привели к проникновению в киргизский быт ряда изделий русской промышленности. Хотя беднейшие слои киргизского населения употребляли для изготовления одежды преимущественно грубые шерстяные ткани домашнего производства, а покупные ткани (частично и готовая одежда) шли из Кашгара и Кокандского ханства, в рассматриваемый период в Киргизию начали ввозиться и русские ткани, получившие распространение в первую очередь в более зажиточных слоях населения. «В последнее время, — пишет в качестве очевидца Ч. Валиханов, — русские товары стали проникать в кочевья тяньшанских киргизов, но не в большом количестве. . . Бугинцы и Сарбагиши знакомятся с предметами роскоши для них, и женщины их начинают носить русские ситцы, коленкор. . . Между тем они в полной от нас зависимости относительно красной юфти, а также железной и чугунной посуды».¹ В «Оглавлении» к альбому, составленному П. М. Кошаровым, мы находим указания на русские ткани, шедшие для изготовления киргизской одежды и ее отделки: ситцы, миткаль, плис, сукно. У Венюкова также упоминаются продаваемые киргизам «ситцы, верверет, нанки, коленкор, миткаль, кожи и разные железные вещи, а также маленькие простые зеркальца, серьги, кольца. . . В особенности здесь ценны железные вещи и юфть».²

Из утвари русского производства в альбоме представлены чугунные котел (табл. X, 71) и чайник (табл. IX, 58), железная тренога под котел (табл. X, 72), а также деревянный, обитый жестью сундук (табл. IX, 60). В «Оглавлении» указано в двух случаях и на деревянную посуду «русской и киргизской работы» (блюдо и чашка; табл. X). Хорошо известно, что киргизские мастера-деревообделочники снабжали население деревянной посудой, но, повидимому, находила сбыт и посуда русского производства, рассчитанная на местные вкусы. На это указывает Г. Загряжский, по словам которого, часть скота у киргизов идет на приобретение русских ситцев, казанов, деревянной посуды и железных изделий.³ Русские товары приобретались киргизами в обмен на скот, животноводческое сырье и пушнину.

Таким образом, рассматриваемый период характеризуется не только установлением политических связей между киргизскими племенами и Россией, но и началом экономических связей между русским и киргизским народами. Последовавшее в дальнейшем присоединение Киргизии к России укрепило и расширило эти связи. Они сыграли свою важ-

¹ Ч. Валиханов, ук. соч., стр. 472.

² М. И. Венюков, ук. соч., стр. 111.

³ Г. Загряжский. Очерки Токмакского уезда. Газ. «Туркест. ведомости», 1873, № 9.

ную роль в сближении русского и киргизского народов, оказавшихся в составе одного государства. Влияние экономически более развитой России и передовой русской культуры способствовало более быстрому и прогрессивному движению киргизского народа от полупатриархального-полуфеодального уклада к буржуазному обществу. Это движение, протекавшее в силу колониальной политики царизма в мучительных формах, было прервано Великой Октябрьской социалистической революцией. С этого момента киргизский народ, с помощью великого русского народа, вступил на иной путь, на путь социалистического развития.

* *

*

Хотя в задачу настоящей работы и не входит исследование публикуемых материалов с точки зрения происхождения тех или иных элементов киргизской материальной культуры, тем не менее некоторые общие соображения по этому поводу могут быть высказаны.

Наиболее поздним, но сыгравшим значительную роль в последующем развитии, компонентом являются предметы домашнего обихода и ткани русского производства. Однако в рассматриваемый период они еще не столь отчетливо сказывались на облике киргизской материальной культуры. В ее самобытной, оригинальной основе мы находим черты, связывающие ее по крайней мере с тремя историко-культурными областями: с кругом среднеазиатских народов — узбеков и таджиков (обувь, посуда и др.), с Джунгарией и восточным Туркестаном (типы одежды, деревянный столик, терминология пахотного орудия и др.), с Монголией и Алтаем (форма юрты, тип седла и др.). Выше отмечалась также некоторая связь с культурой тибетского населения провинции Цинхай в Китае.

Не касаясь хорошо известной исторической общности многих элементов культуры киргизов и казахов, следует подчеркнуть, что если некоторые черты говорят главным образом об экономических (в особенности торговых) и культурных связях киргизов с народами Средней Азии, то другие указывают на более глубокие и древние связи, обусловленные общностью происхождения как ряда киргизских племен, так и племен южной Сибири и Центральной Азии (включая современный Синьцзян).

Любопытно, что в материальной культуре киргизского населения Иссыккульской области Киргизской ССР до сих пор продолжают бытовать некоторые элементы, общие с аналогичными элементами культуры народов Синьцзяна.

Более основательные и широкие выводы могут быть сделаны лишь на основании всестороннего и тщательного изучения особенностей материальной и духовной культуры киргизского народа других областей Киргизской ССР, что является одной из неотложных задач этнографической науки.

* *

*

«Этнографический альбом Дико-каменных киргизов» П. М. Кошарова включает в себя 23 таблицы рисунков, исполненных либо на белой ватманской бумаге размером 25,5×33,5 см, либо на другой бумаге (размером 19×25,5 см), наклеенной на белый ватман стандартного для альбома размера. Он делится на пять отделов: I — карта озера Иссык-Куль

«с показанием на ней мест откуда сняты виды и друг. рисунки»; II — виды местностей; III — типы мужчин и женщин; IV — одежда, утварь, оружие и проч.; V — геогностические рисунки.

Карта вычерчена тушью, озеро закрашено возле берегов голубой краской. Места, откуда сняты виды, обозначены красными кружками, места геогностических рисунков — голубыми кружками, сделанными акварельной краской. Масштаб карты — 60 верст в 1 дюйме.

«Виды местностей» представляют собою пять рисунков ландшафтов (горных проходов, ледников, ледяных озер и южного берега озера Иссык-Куль), исполненных на ватмане маслом и наклеенных на ватман же.

Отдел III состоит из 4 таблиц рисунков, исполненных карандашом на цветной бумаге (первые три — на бумаге песочного цвета, четвертая — на бумаге бледножелтого цвета), также наклеенной на ватман. Рисунки кое-где подвешены мелком.

Отдел IV состоит из 10 таблиц рисунков, исполненных акварельной краской непосредственно по ватманской бумаге. Рисунки на каждой таблице заключены в сделанную тушью рамку. Над (или под) каждым рисунком имеется порядковый номер (всего 74 номера); в некоторых случаях под одним номером обозначены два рисунка. Несколько рисунков исполнены карандашом (табл. VI, 17 — юрта; табл. VIII, 48 — пороховница и патрон; табл. VIII 52 — табакерки; табл. IX, 56 — чайник; табл. X, 63 — серебряная тарелка).

Отдел V состоит из 3 таблиц рисунков; на первой — рисунки сделаны акварелью, на остальных — карандашом. Они представляют собой небольшие этюды ледников и зарисовки горных пород. На последней таблице имеется еще рисунок минерального источника, расположенного в ущелье Аксу, в нескольких км от оз. Иссык-Куль.

В настоящем издании не публикуются виды местностей и геогностические рисунки, относящиеся к отделам II и V (из отдела V приводится только табл. III).

К альбому приложено составленное самим П. М. Кошаровым «Оглавление», которое публикуется нами также не полностью (отделы II и V опущены).

Тетрадь № 1 состоит из 8 листов, на которых исполнены карандашом рисунки, почти целиком воспроизведенные в красках в альбоме; исключение составляют лишь 3 рисунка, не попавшие по каким-то причинам в альбом, которые мы воспроизводим отдельно: «мала — борона из сучковатых прутьев, связанных кое-как, впрягают лошадей и верблюдов» (стр. 7-я, рис. 9), «*ассай-массай* — шаманский жезл. Деревянный с разными побрякушками»¹ (стр. 7-я, рис. 13), «*тогуэ-кумалак* — деревянная доска с 18 выдолбленными ямочками. К ней находится 120 камешков. Это киргизская игра» (стр. 7-я, рис. 11) и маленький сундучок, стоящий на большом сундуке (стр. 8-я, рис. 3). Тетрадь открывается описью рисунков под следующим названием: «Описание одежд, утвари, оружия и прочих домашних вещей Дико-каменных киргизов племени Богинцев и Большой Орды». Опись составлена художником. Она почти целиком совпадает с «Оглавлением» к альбому, но содержит некоторые детали, не вошедшие в «Оглавление», и отдельные разночтения; все они

¹ Как видно из рисунка, помещенного в книге П. П. Семенова-Тянь-Шанского «Путешествие в Тянь-Шань» (М., 1946, стр. 192), автором которого также, очевидно, являлся П. М. Кошаров, этот «жезл» принадлежал странствующему юродивому (*дуана*, или *дубана*), который одновременно «совмещал» и некоторые шаманские функции, занимаясь прорицательством (см. стр. 195 той же книги).

внесены в соответствующие места публикуемого «Оглавления», но заключены в квадратные скобки.

Тетрадь № 2 состоит из 16 листов с рисунками, выполненными карандашом. Они публикуются полностью, вместе с «Описанием», помещенным в начале тетради и составленным П. М. Кошаровым.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ОГЛАВЛЕНИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО АЛЬБОМА ДИКО-КАМЕННЫХ КИРГИЗОВ ПЛЕМЕНИ БОГИНЦЕВ¹

Отдел I

Карта озера Иссык-Куля и его окрестность (с показанием на ней мест, откуда сняты виды и друг. рисунки).

Отдел III

Табл. 1. Типы Дико-каменных киргизов, племени Богинцев и Сарабогишей (Богу и Кара-Киргиз).

Табл. 2. Группа женщин и девица.

Табл. 3. Сцены и группы киргизов и верблюдов.

Табл. 4. Киргизы на утренней или вечерней молитве.

Отдел IV

Табл. I

1, 2. *Калпаки*. Из белого войлока, отделаны плисом и разноцветными шкурками. Работы киргизской.

3. *Махалай*. Такого же достоинства. Раб. киргизской. [Мужская шапка из черного или белого войлока. Обшита плисом и шнуром].

4. *Тебетей*. Девичья шапка на бараньей подкладке, а верх красного сукна. Раб. кирг. и кашгарской. [Верх красного сукна или материи, подбита черной мерлушкой].

5. *Топу*. Бывают из разных материй, вышиваются разноцветными шелками, гарусом, серебром и золотом. Раб. кирг., кашг. и ташк. [. . . или *аракчин* . . . вышивается разноцветными шелками в тамбур].

6. *Коран*. В вышитом футляре. Раб. кирг. [Футляр для корана. Из разноцветной материи, вышивается разноцветными шелками. Надевают его через плечо].

7. *Элэнчик*. Головной убор женщин, из белого миткаля, длиною до 5 арш. Раб. киргизск. [Головная повязка женщин. Из белой дабы. Концы вышиваются гарусом. Длина его до 6 арш. Даба раб. кашгарск., ташкентск., китайской и русской].

8. *Биль-бау*. Кушаки мужчин и женщин, из разных материй. Раб. кирг., кашг., ташк. и русской.

¹ Документ публикуется без всяких изменений, но по современной орфографии. Принятая П. М. Кошаровым в «Оглавлении» к альбому система обозначения и нумерации таблиц и их последовательность сохранены нами и при публикации репродукций из альбома.

Табл. II

9. *Куйлюк*, женская рубашка, из разноцветных материй. Раб. кирг. [Бывают из разнообразных материй, но большей частью из белой дабы, шитья киргизск.].

10, 11. *Джиидэ*. Мужские рубашки, из белого миткаля и русского ситца. Раб. кирг. [Из белой или пестрой дабы и разных ситцев, шитья киргизск.].

Табл. III

12. *Бэимэт*, из шелковых и бумажных азиатских материй. Раб. кирг. и ташк. [. . . мужской и женский . . . Он бывает и без рукавов. Шитья кашгарск., ташкентск. и китайск.].

13. *Чанан*, из разн. суконных и бумажных материй. Раб. кирг., кашг. и ташк. [. . . мужской и женский кафтан. Из разных азиатских материй. Спереди шнуры с пуговицами].

14. *Халат*, из разных суконных и бумажных материй. Раб. кирг., кашг., ташк. и китайск. [. . . мужской и женский].

Табл. IV

15. *Кебентай*, из войлоков. Раб. кирг. [. . . мужской и женский. Вроде пальто. Из толстого войлока, черного или белого].

16. *Чамбары*, из лосиной кожи, вышитые шелками и гарусом. Раб. азиатской. [. . . мужские штаны. Делаются из дубленой замши. У богатых киргизов вышиваются разноцветными шелками в тамбур. Раб. кашгарск. и ташкентск.].

17. *Дамбалы*, женские и мужские почтанники. Раб. кирг. [. . . женские почтанники, иногда носят и мужчины. Из белой дабы].

18. *Бэль-дем-чи*, женская юбка, из разных материй. Раб. кирг. [. . . женская юбка или панява. . . Она завязывается сбоку].

19. *Унгур*, женская манишка, вышитая тамбуром, разноцветной бумагой. Раб. киргизск. [. . . из белого меткалю. Вышитая красной бумагой в тамбур].

Табл. V

20. Войлок. Раб. киргизск. [Ковер из черного или белого войлоков со вшитыми шнурками. Подобные ковры есть украшение юрты. Они делаются из разноцветных войлоков с весьма затейливыми узорами. В богатых юртах есть ковры и ташкентские].

21. Одеяло, из разноцветных материй. Раб. киргизск. [. . . стеганое на вате одеяло из азиатской материи, обшито плисом. Их бывает очень много в юрте, разной величины и из разной материи].

22. Подушка, из разных материй. Раб. киргизск.

23. Русский платок. [Платок мужчин и женщин. Из разных материй, работы кашгар., ташкент., китайск. и русской].

24. *Итык*, мужские и женские сапоги с разноцветными кантами. Раб. киргизск. [. . . из красной или черной кожи, со вшитыми разноцветными из кожи кантами].

25. *Байпак*, туфли, из тонкой черной кожи. Раб. кирг. [. . . мужские туфли или сапоги . . . К ним калоши, зеленого цвета, из конины, сделанные под кожу шагрен. Раб. ташкентск. или кашгарск.].

26. *Кебиш*, калоши, из коневьей кожи.

Табл. VI

27. Юрта, наружный вид ее. [Покрытая войлоками и связанная тесьмами. Вся работа юрты киргизская].

28. Остов юрты, *аа* — *кэрэгэ* — решетки, *бб* — *ууки* — верхние палки, *в* — *чангарак* — верхний круг юрты, *г* — *манлайча* — верхняя часть двери, *дд* — *басачи* — косяки у двери, *ж* — *тавалдрык* — порог у двери. [Он делается из ивового дерева; *а* — *кереге*, связанные шалнерами из сыромятных ремней; *б* — *ууки* — палки, привязанные к решетке и воткнутые в *чангарак* (*в*), через который проходит дым из юрты . . . ; *дд* — *басачи* — две отвесные половинки у двери; *чангарак* — обруч с крестообразным переплетом].

29. *Узюк*, войлок одевающий юрту по решеткам, их бывает от 2-х до 4-х. [. . . войлок для юрты на решетку. Их бывает у юрты от 2-х до 8, смотря по величине юрты].

30. *Туурлык*, войлок одевающий юрту по палкам, их бывает тоже от 2-х до 4-х. [. . . их бывает от 2-х до 8 шт.].

31. *Тюндюк* — войлок, покрывающий *чангарак*, верхний круг юрты.

32. *Иссык*, войлок, занавешивает дверь. [Дверь из войлока. Она заворачивается кверху].

33. *Чий*, вязаный длинный щит, из растения чий, в виде соломы, окрашивается в раз. цвета. *Чий* огибаются внутри юрты в виде наших обоев. [. . . щит из травы, перевитый разноцветной шерстью. Им огибают юрту по решетке, а на него кладут войлок. Он виден изнутри юрты, как шпалеры].

34—39. *Уй-дын-бау*, образцы тесемок, которыми связывают юрту. [Тканы из разноцветной шерсти. Ими связывают войлок у юрт].

40—41. Арканы, веревки витые из конского волоса. Вся юрта работы киргизской. Они бывают в диаметре до 12 аршин.

Табл. VII

42. *Ирь* — седло. Деревяшка бывает оправлена разноцветными камнями и мораловой костью. *а* — *капчук*, оправленный медью и сталью, *б* — *тебеньги* — кожаные кабуры, *ввв* — *тердик-такум* — потники, *г* — *юзеньги* — стремяна, оправленные костью, *д* — *кююскан* — подхвостник, *ж* — *кумельдрюк* — подгрудник, *з* — *джюгун* — уздечка, *ии* — *улары* — подпруги. Раб. азиат. [. . . деревяшка, оправленная медью или мораловой костью. *Б. Капчук* — верхняя подпруга, оправленная медью или сталью. *В. Тебеньга* кожаная тесненная. *Г. Юзеньги* — стремяна, деревянные, оправленные мораловой костью . . . *С. Улары* — подпруги, из ремня или волосяные. *Ж. Кумельдрик* — подгрудник. *З. Тердик-токум* — потник, бывают из разных войлоков. *И. Джюгун* — уздечка. Бывают с украшениями и простые. Все седло работы киргизской].

43. *Мултык*, винтовка с фитилем на сошке. Раб. киргизск. [*а* — курок железный — *мача*].

44. *Казақ ту-найза*, пики на деревянных древках длиной до 6 аршин. Раб. киргиз. [Железная пика. Древко бывает 2-х сажень. У некоторых пик к концам приделывают острое лезвие (под букв. *а*)].

Табл. VIII

45. *Айбалты*, военные топоры, бывают с богатой насечкой, а древки до 1½ аршин. Раб. азиатской. [Есть весьма красиво отделанные и стоящие очень дорого (работы кашг., ташкент. и киргизск.)].

46. *Кын* — ножны, *клыч* — лезвие, *а* — *бау* — португез. Вообще бывают богато украшены. Раб. азиатской. [*Бау* — перевязь. Вообще же все называется *клычь*, или *кын*. Бывают весьма дорогие и богато украшенные камнями (работы кашг., ташкент., китайск. и киргизск.)].

47. *Куса* — кожаная сумка на поясе. Раб. киргизской. [. . . из кожи вытисненный мешок. Его носят на поясу].

48. *Бататор*, патроны из мораловой кости, *а* — *басма* — пороховница. Раб. киргизск. [Их надевают через плечо . . . пороховница *басма* из простого рога].

49. *Камча* — нагайка. Бывают весьма богато украшены. Раб. кирг. [. . . бывают оправленные и простые].

50. *Садаж* — мешок для пуль, из кожи. Раб. кирг.

51. *Отык* — огниво с сумочкой для кремня и трута. Раб. киргизск.

52. *Чак-чи* — рожки для нюхательного табаку. Раб. киргизской. [. . . из рога].

53. *Пчак* — ножик, *кын* — ножны, *а* — *данданку* — жестяная коробочка для зубочисток. Раб. киргизской. [*Данданку* — медный футлярчик, в котором находятся деревянные зубочистки].

54. *Домбра* — балалайка о двух струнах. Раб. киргизской.

Табл. IX

55. *Кумган* — чайник ташкентского изделия из красной меди.

56. *Чоучук* — чайник из белой жести, бывают и серебряные. Раб. азиатской.

57. *Кужур* — бутылка из кожи для кумыса. Раб. азиатской. [. . . мешок из тисненой кожи с деревянной пробкой. Он для употребления кумыса, айрана и других жидкостей].

58. *Кумган* — чугунный чайник. Русского изделия.

59. *Конюк* — подойник для доения кобыл. [Сделанный из выделанной кожи, для доения коров и кобыл].

60. *Сундук*. Русского изделия. [. . . деревянные, обитые жостью. В них хранится все богатство киргиза. Впрочем, редко сундуки встречаются у бедных киргизов (работы русской и китайской)].

61. *Чанач* — цельная шкура с козла или барана для кумыса. [То же для разной жидкости].

Табл. X

62. *Табак* — деревянное блюдо русской работы. [. . . работы русск. и киргизск.].

63. *Джеил-табак* — жестяные и серебряные блюда. Работы азиатской. [*Джель-табак*. Жестяное или медное блюдо (раб. ташк., китайск. и проч.)].

64. *Аяк* — деревянная чашка. Русской работы. [. . . работы русск. и кирг.].

65. *Аяк* — китайская фарфоровая чашка. [. . . чайная чашка, фарфоровая или глиняная].

66. *Джанаяк* — деревянный ковш. Киргизской работы.

67. *Касык* — деревянная ложка киргизской работы.

68, 69. *Оджау* — разливательные ложки для кумыса. Раб. киргизск. [Они бывают и двойные (раб. русской)].

70. *Токай* — *тюгерек* — низенький деревянный столик. [*Тактай* . . . раб. киргизск.)].

71. *Козан* — чугунный котел. Русского изделия. [. . . для варения пищи].
72. *Учаек* — железный треножник под котел. Раб. русской.
73. *Чирагдан* — жестяной ночник, втыкающийся в землю. [. . . ночник железный (раб. киргизск.)].
74. *Айдаган-ерь, буурсук* — соха с дышлом. [В нее впрягают пару лошадей или верблюдов (раб. кирг. и русск.)].

О т д е л V

Таблица 3

- IX. Вид гришштейна в граните, близ реки Чим-булак.
- X. Гранит, заключающий в себе известняк, в котором находятся окаменелости раковин.
- XI. *Арасан* (теплый ключ), находящийся в 5 саженьях от реки Аксу. В отрогах Тянь-Шаня, в 3-х верстах от озера Иссык-куля. Теплота ключа доходит до 30° по Реомюру. Кругом его абрикосовые деревья (*урюк*).

ПРИЛОЖЕНИЕ IIТ е т р а д ь № 1²

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РИСУНКИ: ОДЕЖДЫ, УТВАРЬ, ОРУЖИЕ
И ДРУГИЕ ВЕЩИ ДИКО-КАМЕННЫХ И БОЛЬШОЙ ОРДЫ
КИРГИЗОВ

Стр. 7:

9. *Мала* — борона из сучковатых прутьев.
11. *Тогуз кумалак* — деревянная доска.
13. *Асай массай* — шаманский жезл.

Стр. 8:

3. Сундуки деревянные, обитые жостью.

Т е т р а д ь № 2

ОПИСАНИЕ ТИПОВ ДИКО-КАМЕННЫХ, БОЛЬШОЙ ОРДЫ И
ЧАСТЬЮ СРЕДНЕЙ ОРДЫ КИРГИЗОВ, НЕСКОЛЬКО ТИПОВ
"КИТАЙСКИХ КАЛМЫКОВ, ТАШКЕНЦЕВ И КАШГАРЦЕВ

1. Бедные киргизы Большой Орды из племени Дулатов. (Бывшие при экспедиции г-на Семенова лаучами, или вожатыми верблюдов).
2. Женщины Дико-каменных киргизов племени Богинцев. Под буквою *a* девица 16 лет.
3. Под буквою *a* Большой Орды киргиз племени Анбанов. Под букв. *б* и *в* — Дико-каменные киргизы из племени Богинцев. (Бывшие бащи, или вожатые при экспедиции г-на Семенова).

¹ Принятая П. М. Кошаровым в Тетрадах №№ 1 и 2 система нумерации рисунков и их последовательность сохранены нами при публикации репродукций рисунков.

² Здесь приводятся те описания предметов, которые даны только в черновой тетради и не вошли в альбом. Описания всех остальных предметов, изображенных в тетради № 1, смотри в «Оглавлении» альбома.

4. Слева. Женщина Дико-каменных киргизов, из племени Богинцев. Справа. Девушка Дико-каменных киргизов племени Богинцев.

5. Девушка, женщина и дитя Дико-каменных киргизов из племени Богинцев.

6. Женщина в богатом головном уборе, Большой Орды, из племени Анбанов.

7. Под бук. *а* Большой Орды киргиз из племени Дулатов. Под бук. *б* средней Орды киргиз, служит переводчиком Русского языка у султана Тезека Большой Орды.

8. Киргиз Большой Орды племени Дулатов.

9. Под бук. *а* Киргиз Большой Орды племени Дулатов. Под бук. *б* Киргиз Большой Орды племени Анбанов.

10. Под бук. *а* Дико-каменный киргиз племени Богинцев. Под букв. *б* — юноша племени Богинцев Танай.

11. Китайские калмыки с пикетов по границе Дико-каменных киргизов.

12. Под букв. *а* ташкенец, торгующий в аулах в Большой Орде разн. красными товарами. Под букв. *б* кашгарец, торгующий в аулах Дико-каменных киргизов.

13. Киргиз Дико-каменный, из племени Сара-богишей.

14. Дико-каменные киргизы племени Богинцев на *баранте* с Дико-каменными киргизами племени Сара-богишей (барантой называется грабеж или набег на юрты и отбитие табунов). Грабежи эти иногда бывают и между своими племенами. В этой баранте с обеих сторон бывает до 3000 киргизов и не редко бывают большие убийства.

15. Под букв. *а* верблюд, приготовленный для кладки. Под букв. *б* верблюд в положении таком, когда на него кладут товары или другие кладки. Под букв. *в* увьюченный верблюд. Во время караванов их связывают: в ноздри продевается веревка и привязывается к следующему верблюду за хвост. (В киргизской степи и в горах караваны ходят на верблюдах. Также во время перекочевков. Редко на лошадях или быках и коровах).

16. Бараны, овцы, козлы и коровы, у Дико-каменных киргизов и Большой Орде. У бедных киргизов седлают коров и быков обыкновенными седлами, богатые киргизы считают за позор сесть на корову или быка. У бедных же очень часто.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПРИЛОЖЕНИЯМ I И II¹

К альбому

Отдел IV

Табл. I

3. Как видно по рисунку, это та же войлочная шляпа, что и на рис. 1 и 2, лишь другой формы, поэтому правильнее ее назвать *капак*, а не *малакай* (в «Оглавлении» название искажено).²

4. Форма тульи шапки впоследствии изменилась, ей стали придавать почти полу-сферическую форму. Девушки богатых родителей носили шапки, отделанные мехом выдры или куницы.

¹ Примечания даются в порядке нумерации рисунков по «Оглавлению» альбома и «Описанию» тетради № 2.

² Вся терминология проверена по Киргизско-русскому словарю, составленному проф. К. К. Юдахиним (М., 1940).

6. Все исследователи отмечают, что киргизы в то время не отличались религиозностью. Так, Ч. Валиханов пишет, что «пуританизм ислама не успел еще распространиться между этим народом. Буруты (так называет он киргизов, — С. А.) называют себя мусульманами, но даже не знают, что за человек был Мухамед. Похороны, свадьбы справляют они по шаманскому обряду, но заставляют при этом, если найдется грамотный среднеазиатец или татарин, читать молитву» (Соч., стр. 63). Такой коран в футляре мог принадлежать какому-либо лицу из киргизской знати, возможно даже не умевшему читать по-арабски.

7. Правильно: *элекек*. Носили его только замужние женщины.

8. Правильно: *белбоо*. Кушаками онаясывали обычно верхнюю одежду.

Табл. II

9. Правильно: *кбйно́к*.

10, 11. Правильно: *джегде*.

Табл. III

12. Правильно: *бешмант*.

14. Такой тип одежды носит в некоторых случаях название *чеккен*, или *чекмен*; так, в частности, называли одежду из шерстяной ткани домашнего производства, из бумажной ткани, привозившейся из Кашгара, одежду из сукна (стеганую на вате или без подкладки). Ч. Валиханов дает характерную зарисовку мужской одежды: «Карач (манап, — С. А.) носил остроконечную, белую войлочную шляпу с разрезанными на лбу и затылке полями, ваточный халат из крепкой полосатой бумажной материи вроде тика, с закругленным воротником, как у наших военных на кафтанах, и тремя зелеными шелковыми тесемками на груди. На ногах были неуклюжие сапоги из красной юфти с большими деревянными каблуками. Сын его был одет так же, как Карач, но халат его имел более яркий цвет и плюсовый воротник и рукава. . . Один. . . копыеносец имел на себе только нижнее белье да войлочный плащ, а другой, несмотря на жаркое время, носил нагольный тулуп и меховую шапку» (Соч., стр. 59).

Табл. IV

15. Правильно: *кементай*.

16. Такие штаны делали не из лосиной кожи, а из выделанной в виде замши кожи самца козули (*курун*) или дикого козла (*теке*). Называли их *кандагай*.

17. Правильно: *дамбал*, или *ыштан* (в отношении женских панталон). Указание П. М. Кошарова о том, что *дамбал* иногда носят и мужчины, говорит о том, что в то время бумажные ткани были еще не всем доступны. В таком случае мужчины, очевидно, носили *дамбал* из шерстяной ткани домашнего производства.

18. Правильно: *белдемчи*. Напоминает скорее плахту, чем паняву. В отличие от последней имеет широкий пояс. Носили только замужние женщины.

19. Правильно: *онгёр*. Так называли не только вышивку на груди женской рубахи, но и женское платье с вышитой грудью. В 1946 г. старинные образцы такой вышивки были приобретены этнографической экспедицией Киргизского филиала АН СССР и Института этнографии АН СССР в Тогузтороуском р-не Тяньшанской обл. Киргизской ССР. Они были названы *джеака* и представляли собой нашивную часть груди женской рубахи, состоящую из двух половинок. Один образец был из бархата, с вышивкой цветными шелковыми нитками, другой — из белой маты, с вышивкой такими же нитками. Это украшение женской рубахи давно вышло из употребления.

Большой интерес представляет описание киргизской женской одежды, содержащееся в дневнике Ч. Валиханова: «Дико-каменные женщины, замужние и девицы, носят белую рубаху из дабы, без воротника, обшивая грудную разрезь, вокруг, красным шелком. Верхнее одеяние их составляет обыкновенный халат, такого вида покроя, как носят мужчины. Они носят пестрые халаты, кроме синего (который считают траурным). Разница костюма и туалета замужней женщины от девки состоит только в головном уборе и в уборке волос. Женщины наворачивают на голову два белых платка, один около щек, другой на голову в виде чалмы, девицы же носят остроконечный белый фес с маленькой кистью. Волосы же женщины заплетают в две косы, потом их соединяют в одну тонкую прядь и убирают монетами, ключами, замками и другими подручными вещами. . .». (цит. по кн.: Х. А й д а р о в а. Чокан Валиханов. Алмата, 1945, стр. 54—55).

Табл. V

20. Такой тип войлочного ковра носит название *шырдак*.
 21. Судя по рисунку, это скорее не одеяло, а тюфяк или подстилка для постели *төшбөк*.
 24. Правильно: *отүк*. Такого типа сапоги на высоком каблуке, с коротким следом, давно вышли из употребления.
 25. В более близкое к нам время эта обувь без каблука и твердого задника, на мягкой подошве (ее трудно назвать туфлями), носила название *маасы*.

Табл. VI

28. Правильно: решетки — *кереге*, верхние палки — *уук*, верхний круг юрты — *түндүк*, верхняя перекладина двери юрты — *мангдайча*, косяки у двери — *босого*, порог у двери — *дэсер босого*.
 29. Правильно: *үзүк*. Но это название относится к войлокам, покрывающим купол юрты, а не решетки; здесь нужно *туурдук*.
 30. Правильно: *туурдук*. Но это название относится к войлокам, покрывающим решетчатую часть остова юрты; здесь нужно *үзүк*.
 31. Правильно: *түндүк джабуу*.
 32. Правильно: *шик*.
 33. Применялся также в качестве перегородки внутри юрты, за которой хранились пищевые запасы, посуда и утварь.
 34—39. Эти виды тесьмы (*боо*) имеют разные названия в зависимости от назначения (*үзүк боо*, *туурдук боо* и др.).

Табл. VII

42. Правильно: *ээр*. Словом *көпчүк* называют подстилку на седло, заменяющую подушку; верхнюю же подпругу называют *басмайыл*. Тебеньги по-киргизски *теминдөр*, потники — *тердик* и *токум*, стремяна — *үзбөгү*, подхвостник — *куйушкан*, нагрудник — *көмөлдүрүк*, уздечка — *дэжүгөн*, подпруги — *олонг*.
 43. Правильно: *мылтык*.
 44. По-киргизски: *найза*.

Табл. VIII

45. Правильно: *айбалта*.
 46. Правильно: *кылыч* и *боо*.
 47. Правильно: *кисе*. Такую сумку еще до сих пор изредка можно встретить у охотников.
 48. Правильно *бататар*. Их еще несколько десятков лет назад употребляли киргизские охотники, охотившиеся с фитильными ружьями. Каждый такой «патрон» вмещал два готовых заряда (с каждого конца по одному).
 49. Правильно: *камчы*.
 50. Правильно: *саадак*. Это название по функциональной связи восходит к *колчану*, который назывался так же (и еще *окчонтой*).
 51. Правильно: *оттук*.
 52. Правильно: *чакча*.
 53. Правильно: *бычак*. *Данданку* происходит, повидимому, от таджикского *дандон* — зубы.
 54. Киргизский музыкальный инструмент подобного типа (*кмуз*), имеет три струны. Изображенный инструмент — казахский.

Табл. IX

56. Правильно: *чөйчөк*, или *чөбчөк*. Но так называется маленькая чашка. Возможно, что это искаженное слово *чайдос* (чайник для кипячения воды) (?).
 57. Правильно: *көбкөр*.
 59. Правильно: *көнөк*.
 61. Употребляется не только для кумыса, но и для других жидкостей (воды, кислого молока и т. п.), а иногда и для сыпучих тел.

Табл. X

63. Очевидно, *дэсез табак* (от *дэсез* — медь) — так называли металлические блюда.

65. Фарфоровые чашки называли *чыны*.

Ч. Валиханов пишет: «Кумыс мы пили из фарфоровых чашек, но соленый чай, за неимением другого сосуда, был заварен в чугунном рукомойнике» (Соч., стр. 60).

67. Казахский термин. По-киргизски: *кашык*.

68—69. Характерны для казахской утвари.

70. Очевидно, название искажено (*тактай* — доска). Такие столики были принадлежностью богатого жилища.

71. Правильно: *казан*.

Об убранстве киргизской юрты пишет А. Н. Краснов: «Котел, необходимая деревянная посуда, несколько сундуков с платьем, ковер, войлок на полу и плохая кровать в углу — вот все, что вы увидите в кара-киргизской юрте» (У подножия Хан-Тенгри. Изд. «Азиатская Россия», М., 1910, стр. 266). Но и это всё имелось далеко не в каждой юрте. В юрте бедняка ни сундуков, ни кровати, как правило, не было.

72. Правильно: *уч аяк* или *тулга*.

74. Правильно: *буурсун*. Такого типа соха была распространена вплоть до коллективизации.

К тетради № 2

3. Имеется в виду казахское племя Адбан. Вместо *бащи* надо читать *башчы*. Обращает на себя внимание то, что у одного из богинцев халат застегнут с правой стороны, как принято у монгольских племен.

7. Казахский султан Тезек оказал П. П. Семенову-Тянь-Шанскому помощь во время его экспедиции на Тянь-Шань. Он прибыл с 800 всадниками в аулы богинцев по просьбе их вождя Бороомбая и с разрешения пристава Большой Орды. Это обстоятельство сыграло большую роль в возвращении богинцам их земель, захваченных во время феодально-племенной войны сарыбагышами.

Альбом. Отдел III, табл. 1.

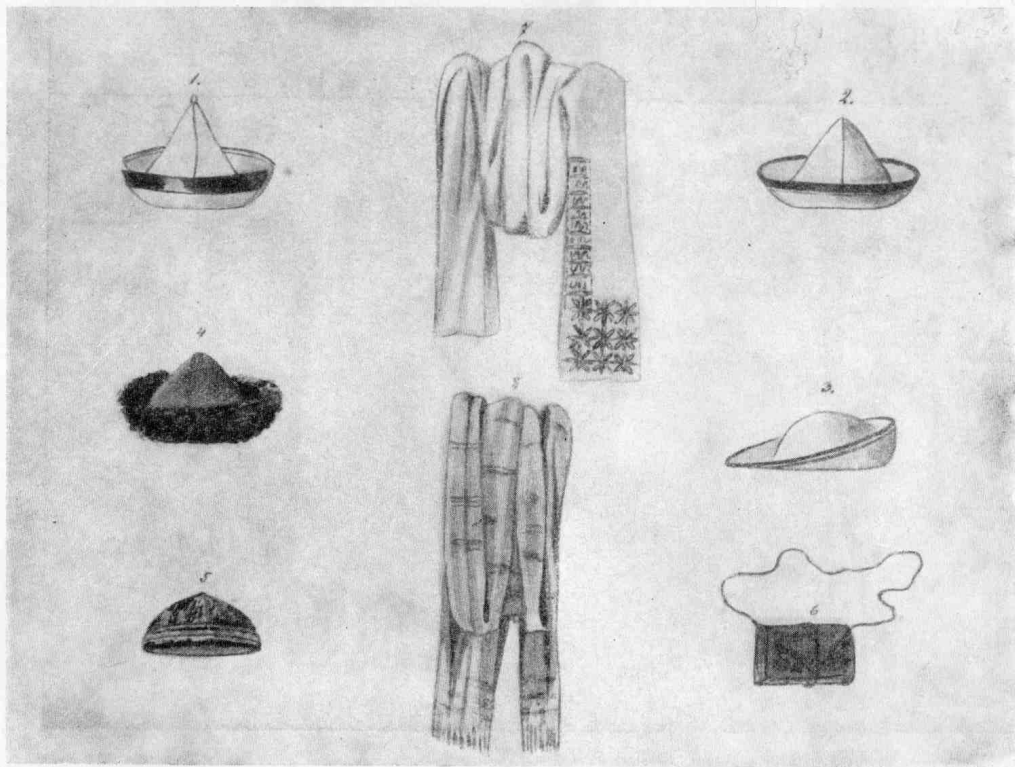

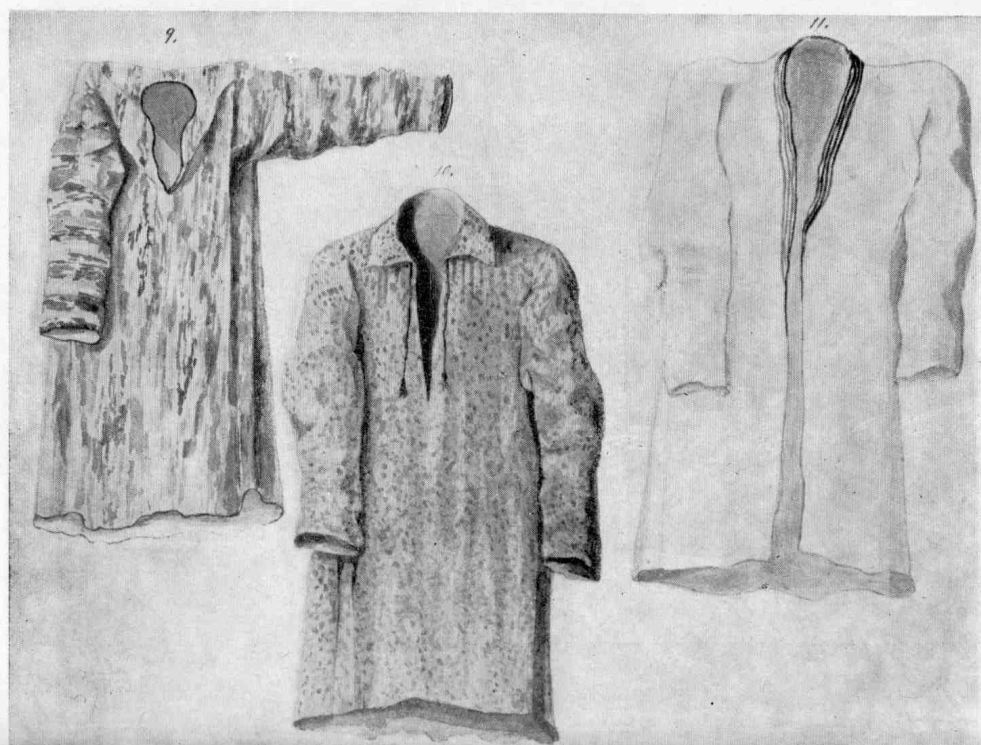

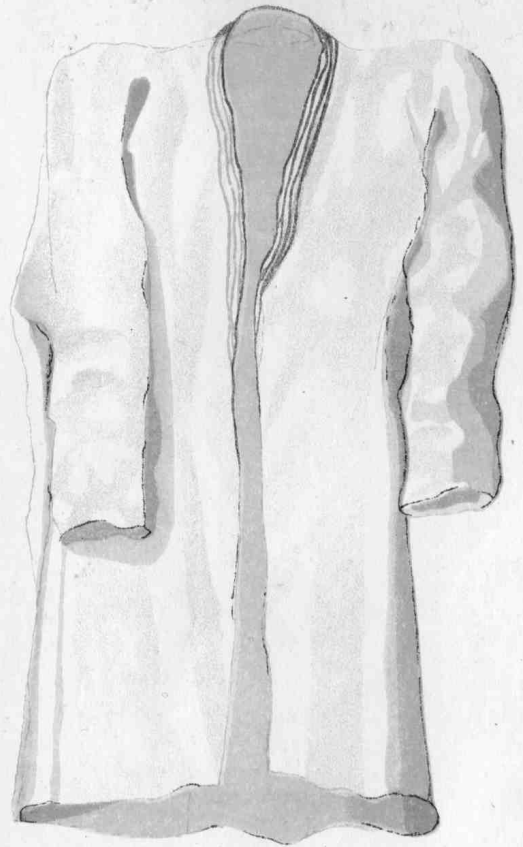
Альбом. Отдел IV, табл. I, 1—8.

Альбом. Отдел IV, табл. II, 9—11.

Этнографический альбом П. М. Кошарова. Отдел IV, табл. II.

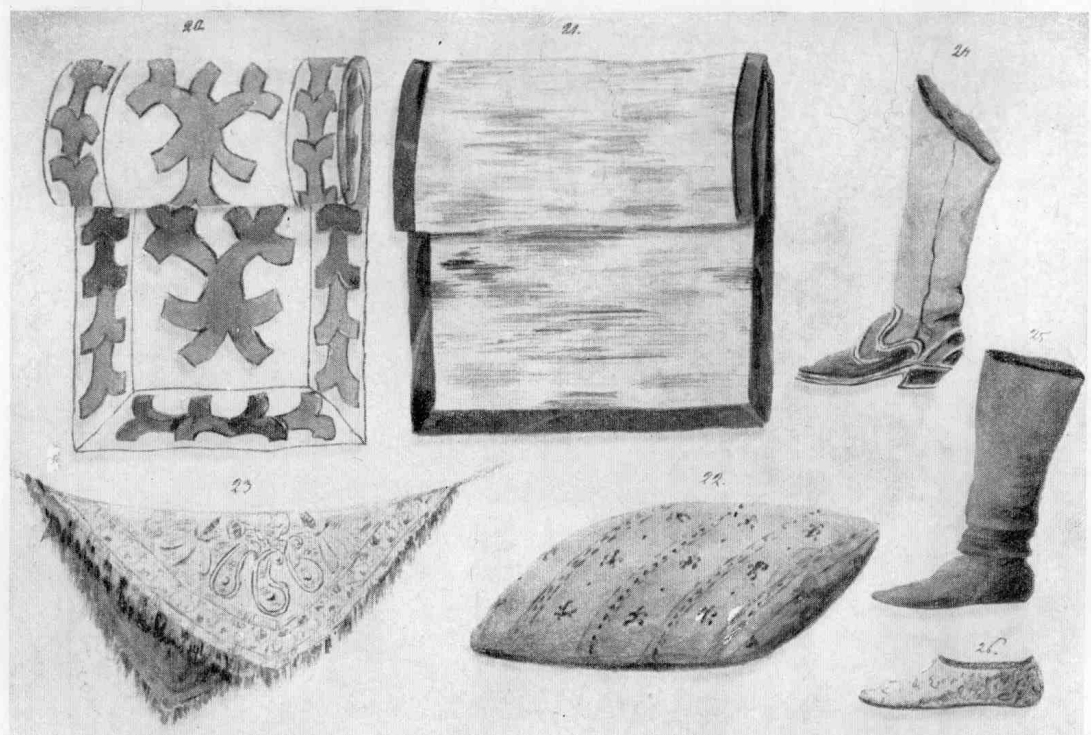
Альбом. Отдел IV, табл. IV, 15—19.

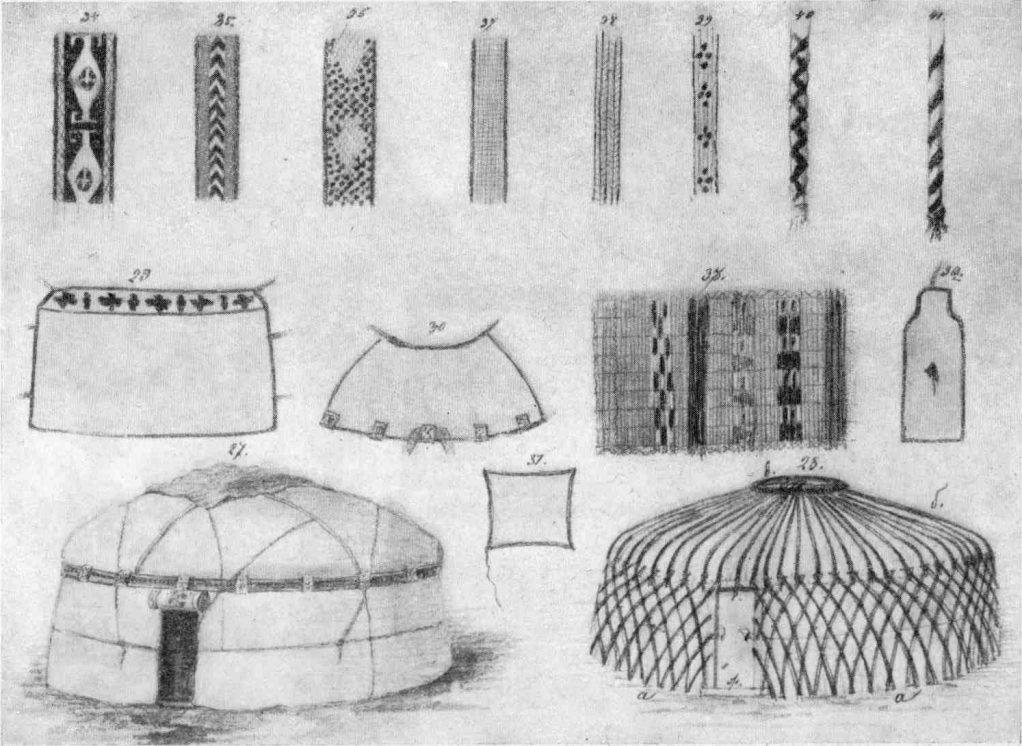

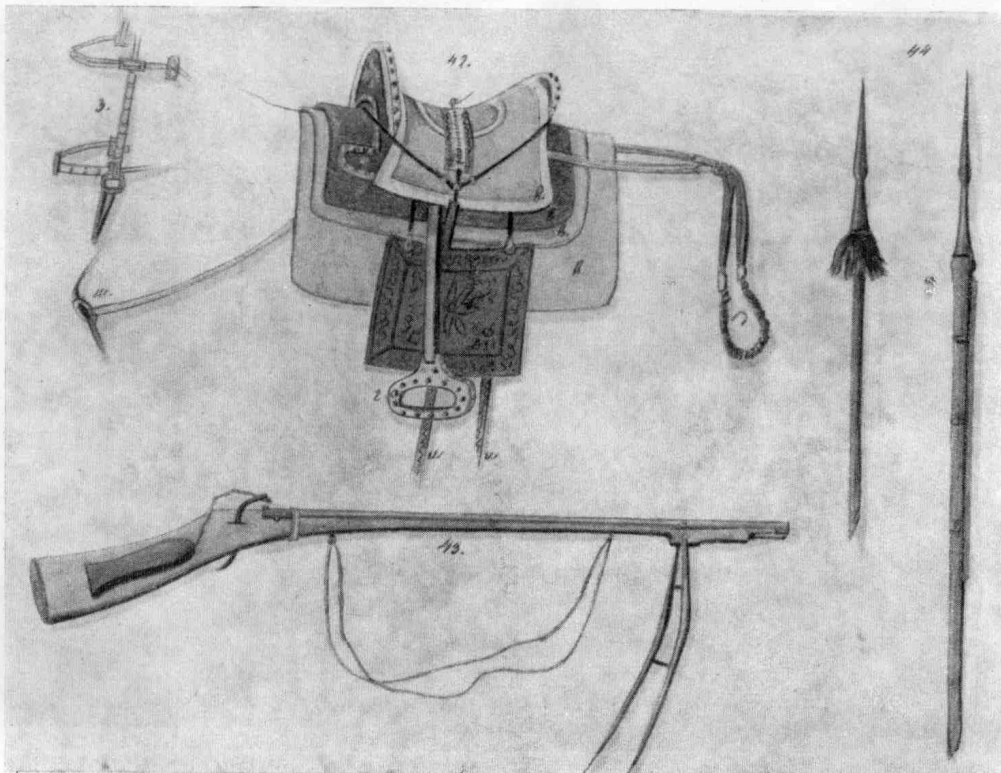

Этнографический альбом П. М. Кошарова. Отдел IV, табл. IV.

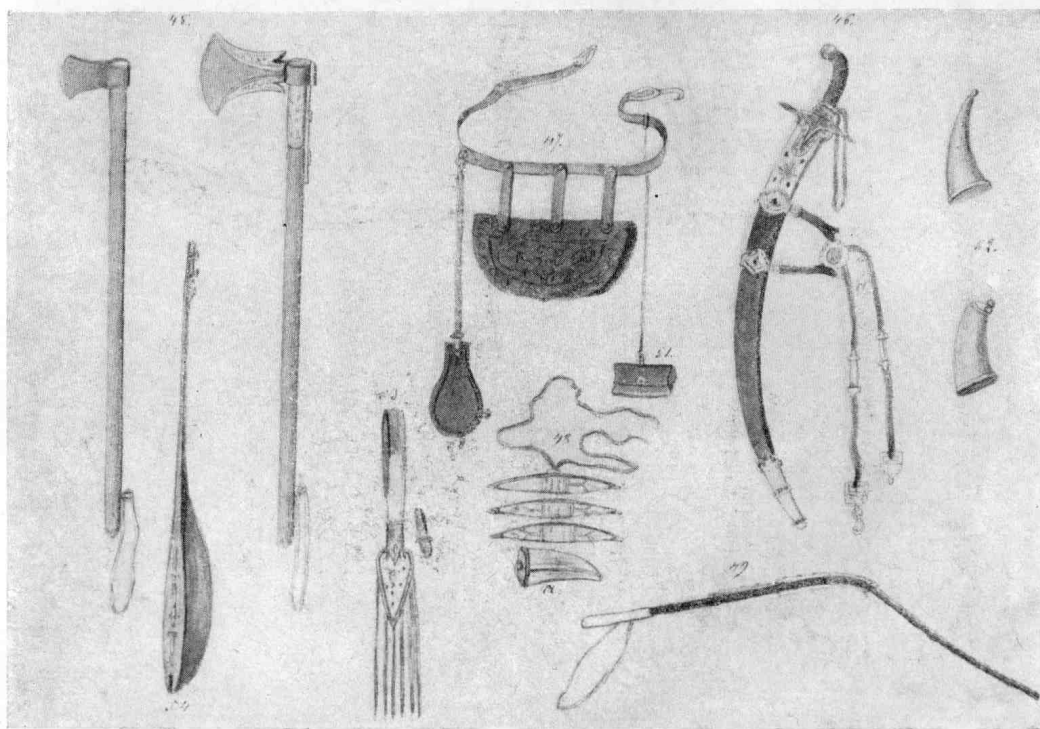

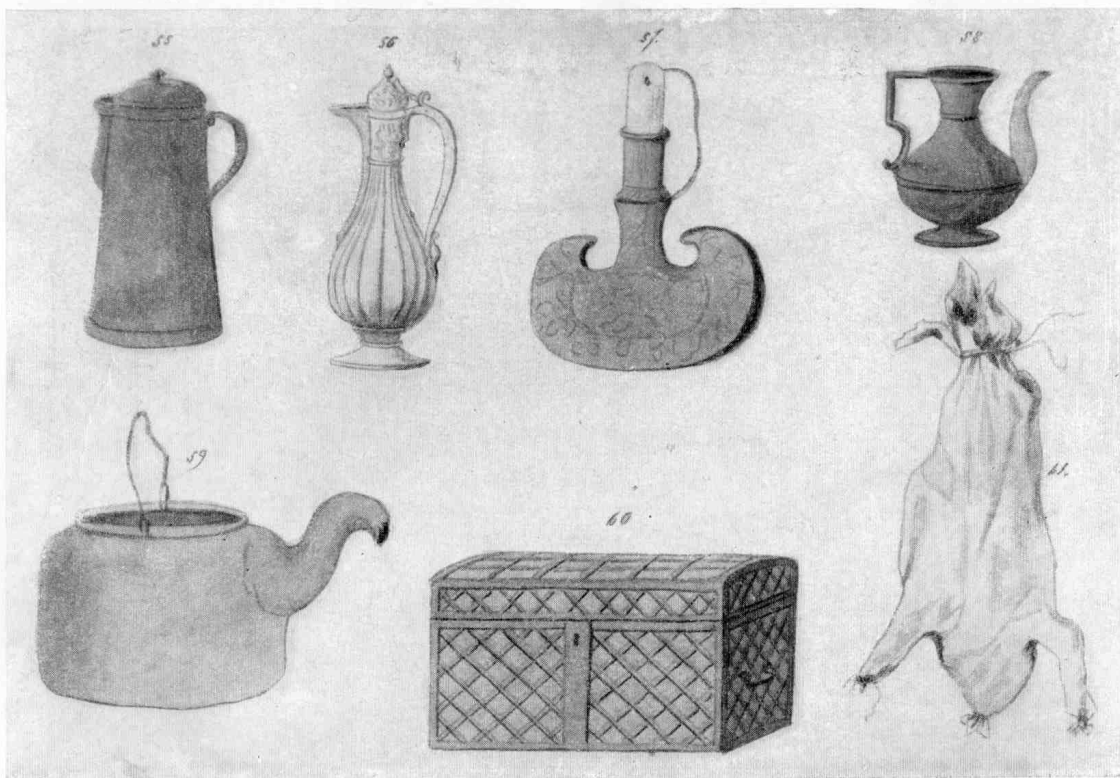

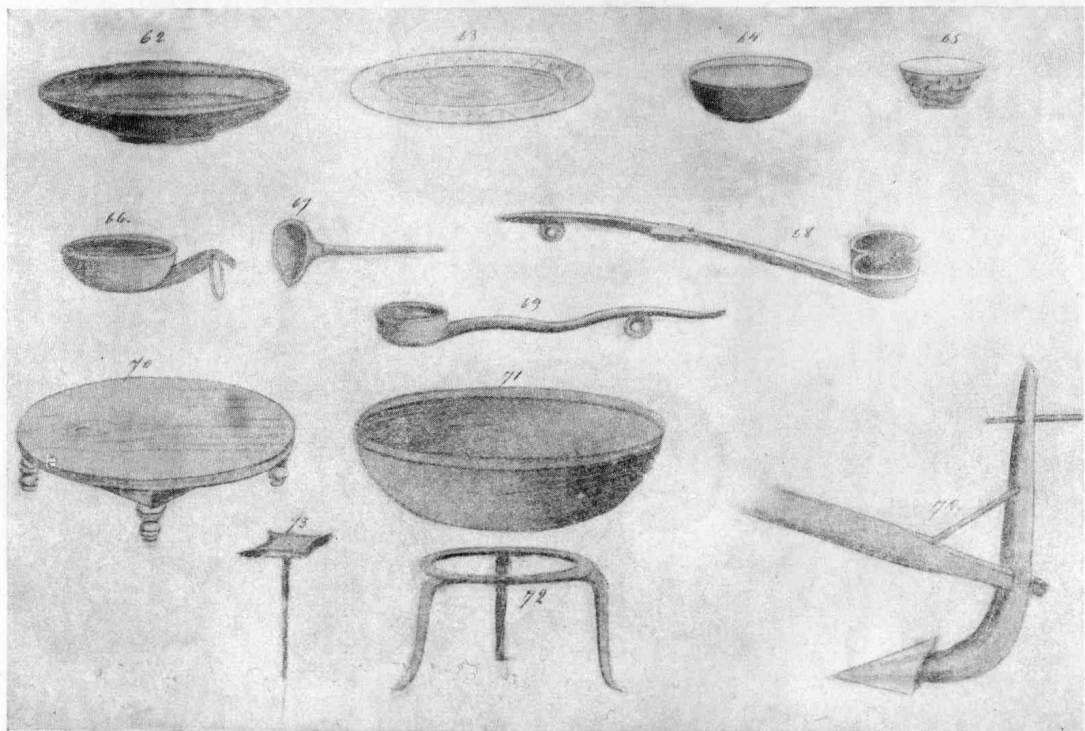
Альбом. Отдел IV, табл. VIII, 45—54.

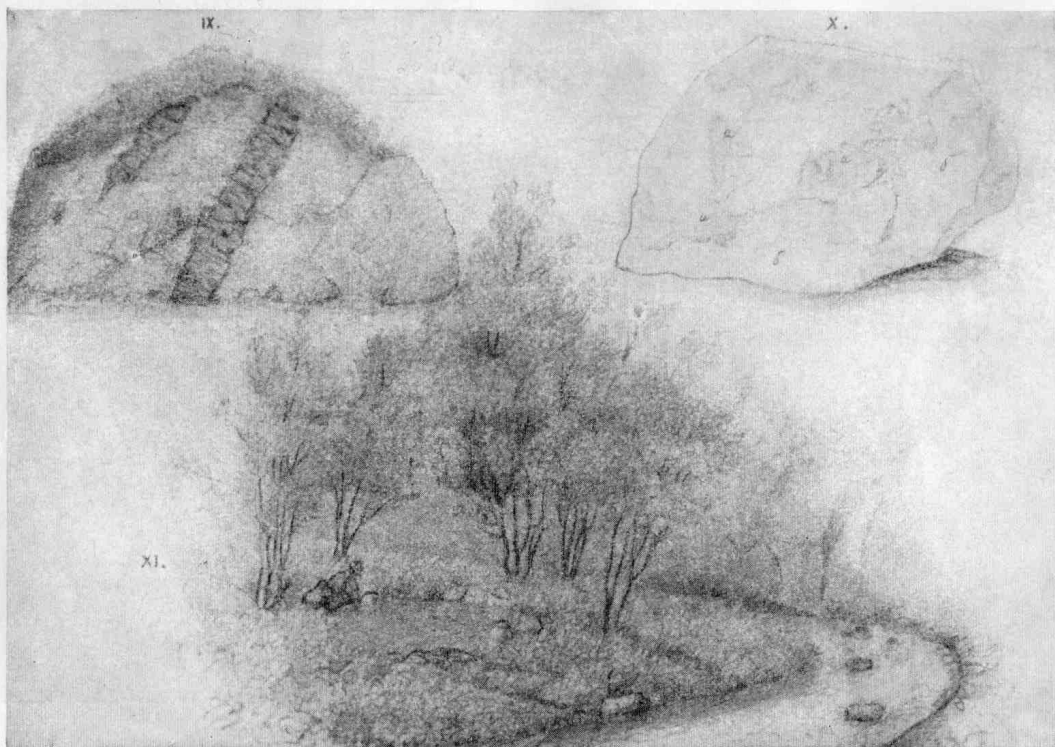

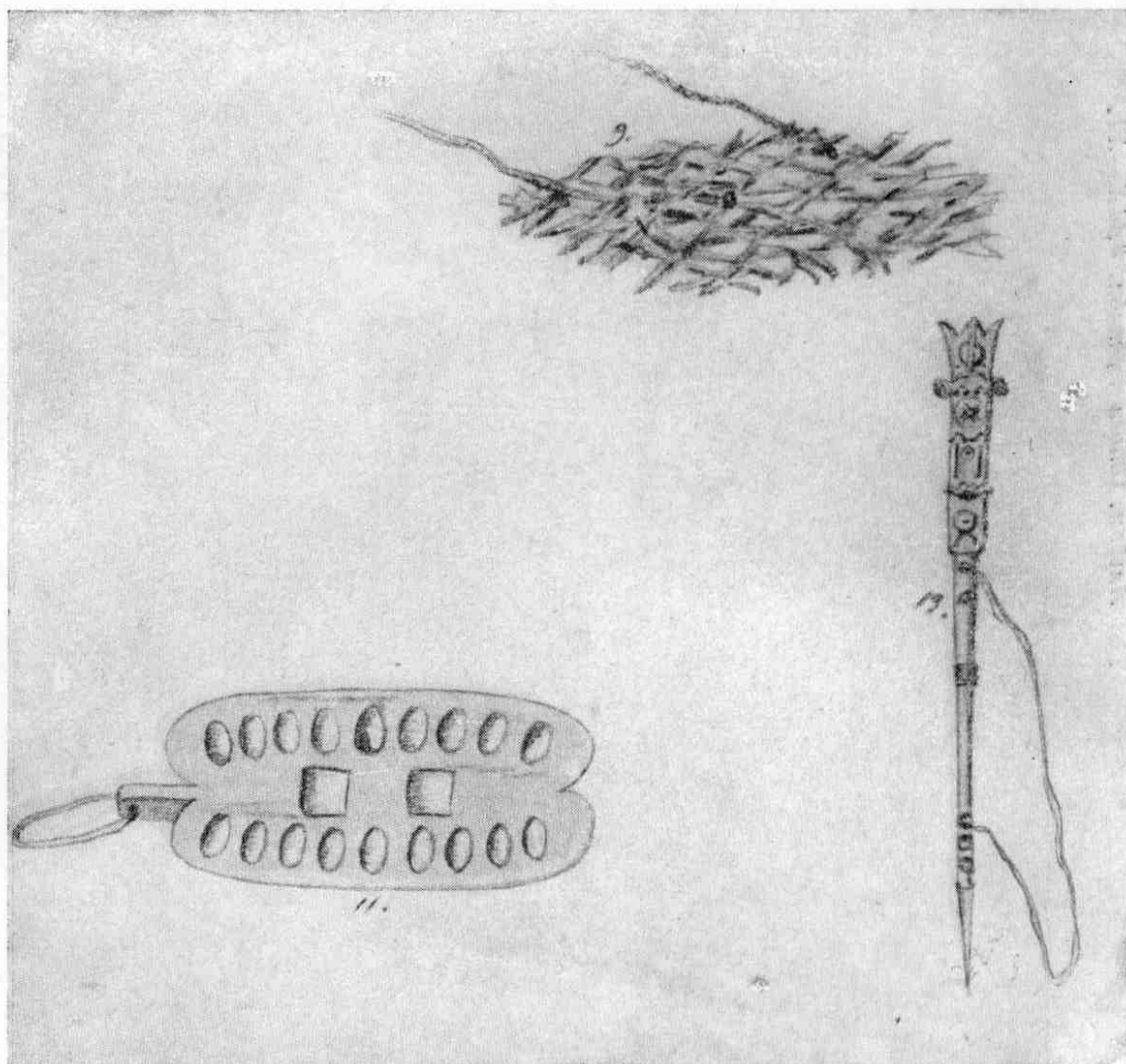
Альбом. Отдел IV, табл. X, 62—74.

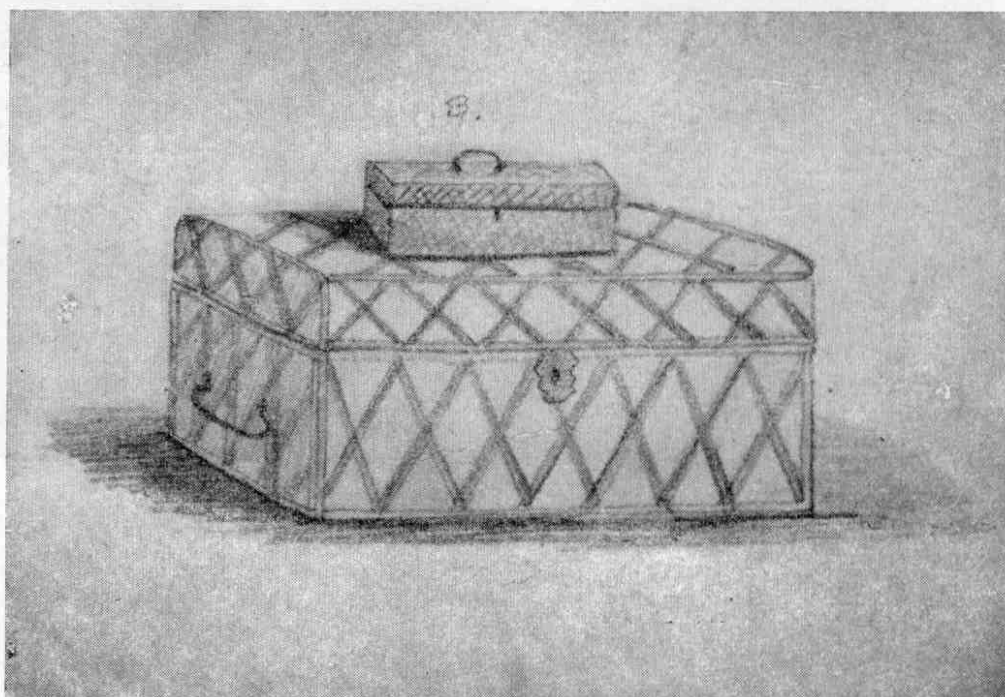
Альбом. Отдел V, табл. 3, IX—XI.

Тетрадь № 1 (стр. 8). Рис. 3.

Тетрадь № 2. Рис. 1.

Тетрадь № 2. Рис. 2.

Тетрадь № 2. Рис. 3.

Тетрадь № 2. Рис. 4.

Тетрадь № 2. Рис. 5.

Тетрадь № 2. Рис. 6.

Тетрадь № 2. Рис. 7.

Тетрадь № 2. Рис. 8.

Тетрадь № 2. Рис. 9.

Тетрадь № 2. Рис. 10.

Тетрадь № 2. Рис. 11.

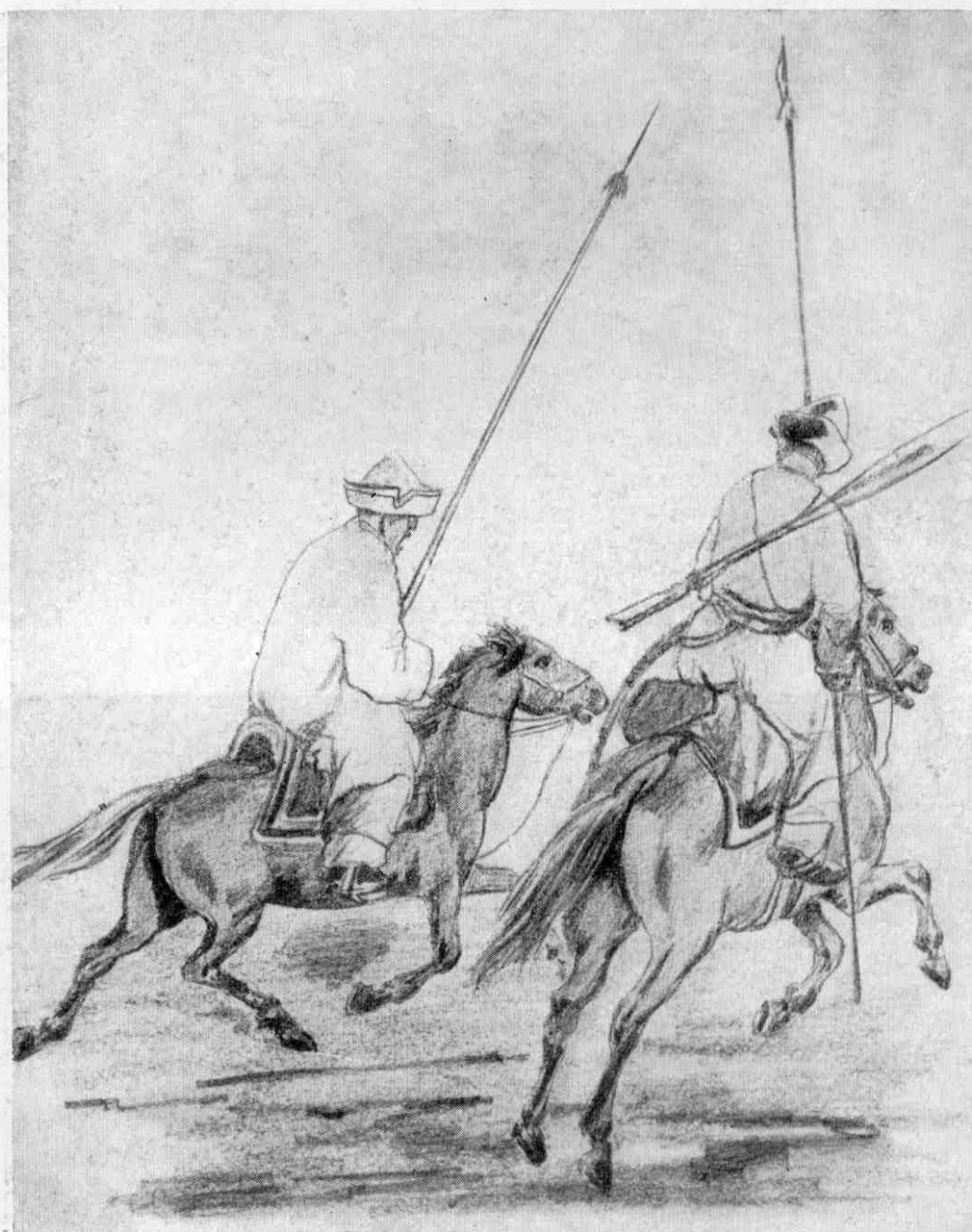
Тетрадь № 2. Рис. 12.

Тетрадь № 2. Рис. 13.

Тетрадь № 2. Рис. 16.

